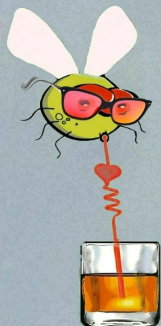
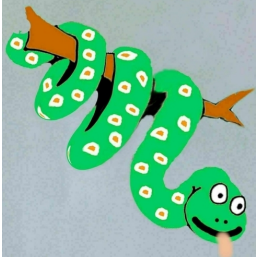

Александр
Петербургский

случай в зелёной зоне

16+

Александр Витальевич Петербургский

Случай в зелёной зоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837209

SelfPub; 2020

Аннотация

Как можно попасть в переплёт? Да легко. Сергей Кондратьев утром просто вышел в сад «до ветру». И, спустя каких-то пять минут, «не отходя то кассы», стал первейшим подозреваемым в убийстве соседа. Всего-то, хотел выключить на соседском участке свет! И влип «по полной...».

За каким... я полез на соседскую дачу? Согласен, возможно, что было не надо, но влез. Продравши утром очи, соскочил с крыльца, нырнул в кусты!.. И, обретя возможность снова внятно думать, окинул подобревшим взглядом всё окрест. Деликатно припекало солнце, зеленела трава.

Новогодней елкой сверкала электричеством соседская дача...

Зачем, к чему?.. И пусть хозяин дачи, Николай Иванович Райхерт, слыл человеком не бедным, но и мотом он был не настолько: заспал? Необходимо это дело было как-то поправить. Отношения меж нами были самые, что ни на есть, добрососедские, в его отсутствие я присматривал за домом, Николай Иванович, ни разочка не поморщась, порой ссужал меня деньгами – с моей стороны разбудить его было просто необходимо. Отворив калитку между дачами, я ступил на соседский участок. И сделав несколько шагов почувствовал, как в спину выше поясницы осязаемо упёрлось явно нечто из железа. А на словах негромко прозвучало: «руки...»

Круто? Круто. За крючковатый огурец! Тем более, и огурцов у Николая Ивановича на участке не водилось сроду. Так что, руки для отвода глаз я поднял. Но с ситуацией согласен в корне не был. Как там в пособиях: «Одной ногой сделав шаг в сторону, другой – назад, отводите вооружённую руку плечом. Надавлив сверху своей левой на локтевой сгиб противника, зажимаете правой эту самую вооружённую руку между плечом и предплечьем. И, вызывая болевое ощущение в

лучезапястном суставе, бросаете противника на спину».

Для подготовленного человека всё предельно понятно, в учебнике по самбо таких приёмчиков куча. Но, скосив глаз на подъездную дорожку, под сенью Райхертовского джипа я вдруг узрел притулившийся автомобильчик с выразительной надписью «полиция» по борту. Что, в конечном счёте, от активных действий меня и остановило, ибо известно и ёжу, что принадлежность тыкавшего явно пистолетом субъекта к правоохранительным органам в исключительных случаях даёт ему некоторое право даже слегка меня пристрелить. Чего мне не хотелось. Тем более, что просили всего лишь поднять в гору руки.

– А в чём, собственно, дело?.. – вспомнив о правах, вякнул было я. Но, получив решительный толчок, дискуссию свернул, и, не роняя достоинства, проследовал к крыльцу.

Внутри нас ждали. Представившись Рудольфом Петровичем Ивановым, товарищ средних лет и с мудрым взглядом пригласил меня присесть, сел сам, достал бумагу, ручку. И мы заговорили обо мне.

Кто я? Я человек. Порой этим даже горжусь. Ибо! Как выразился классик, человек – это звучит!

Во всяком случае, Горький подобное говорил. Но сидевшему напротив товарищу мой ответ показался несколько куцым, и я был вынужден признаться в том, что я Сергей. По отчеству Васильевич, с фамилией Кондратьев. Прописан!..

Правда, в настоящее время там не живу, но ведь нынеш-

ние законы подобное позволяют? А вопрос «кто я...» временами заводит в тупик и меня самого. Родился – было дело, кончил школу. И возник вопрос, кем быть?

Едва лишь в школах по весне прозвенит прощальный звонок, вопрос этот тотчас возникает перед каждым из тысяч, кто школу закончил. Хорошо, если определился заранее – бегаешь дальше всех, прыгаешь выше. Показал выдающийся результат, играя на скрипке. Собрал все первые места на школьных олимпиадах, в шахматы с тобой не садятся даже учителя.

Хотя в большинстве случаев будущим своим выпускник заморачивается как-то не очень. Разве он родителям (а так же, дядям, тётям) ещё в детсаде не сказал, что станет водителем поливальной машины? Девочка станет актрисой. В крайнем случае – моделью. И если к моменту окончания образовательного процесса вдруг выяснится, что по стечению обстоятельств абсолютно все поливальные машины персоналом укомплектованы (как, кстати, и подиум), то это их, родителей, проблема. А так же дядь и тётъ, которым надо больше всех. И теперь так и будут за выпускником ходить и вынимать душу вопросом, «так кем же мы всё-таки будем?» Когда-то стать пожарником предполагал и я!..

– Всё это интересно и весьма, – прервал меня Рудольф Петрович, который оказался следователем. Но в данный текущий момент ему не даёт покоя вопрос, за каким!.. Какие причины побудили меня проникнуть на участок соседей.

А тайны тут не наблюдалось никакой, и я, как на духу, ответил: так и так! Свет горел, машина стояла... Что говорило о том, хозяин, Николай Иванович где-то рядом. И если я до него доберусь, то, не исключено, что с его помощью я смогу решить некоторые финансовые вопросы, да ни нужен-то мне был всего лишь стольник.

«Забрался занять займы стольник, а никак не ограбить...» – улыбаясь чему-то своему, записал следователь, на мой закономерный вопрос «а по какому, собственно, праву!...» даже не поднял от протокола головы. И уже сухим протокольным голосом поинтересовался, чем я в жизни занимаюсь.

Чем я в жизни занимаюсь? Пожарником я так и не стал. И это, наверное, правильно, мечта должна оставаться мечтой. А в остальном кем я только не был. До недавнего времени работал на заводе. До поры, пока платили. Потом пошли задержки, на производстве стало скучно, и я в расцвете лет решил профессию сменить. На что? Тут стоило подумать. Кто-то из великих как-то поднапрягся и выдал: «выбери дело по душе, и в общепринятом смысле в жизни работать тебе не придётся». А как из этой кучи выбрать, если, профессий в мире около пятидесяти тысяч?

Подходящая зарплата в академии наук. Некоторое время можно было бы помучиться министром. Заделаться банкиром. Правда, тут, как минимум, нужен банк и дальше тоже, очень не поспишь; следи постоянно за курсом, по ночам тря-

сись, чтобы не обокрали.

Из всех профессий, на мой взгляд, лучшая – это рантье. Как это выглядит и что нужно делать? Объясняю: имея в наличии приличную пачку газовых акций (или нефтяных), делать ничего не нужно, главное – чтобы акции были! И с каждой, словно мёд, в ваш оттопыренный заботливо карман густой и полновесной каплей неукоснительно стекает фантастический процент. Вы спите, вы вкушаете свой завтрак, а он каплет! Не суетясь, спокойно удишь карасей, в охотку рубашешь для бани дровишки. Или же, дабы совсем от безделья не «съехать...», ломаешь голову над теоремой Ферма, – а он каплет!

Если акций ни Газпрома, ни Сибнефти у вас нет, а на работу ты уже отвык?.. Даю наконку: объяви, что ты писатель и, не поспешая, что-нибудь пиши – профессия достойная, не хуже многих. Свободный график, где бы не находился (хоть бы в ресторане), ты на работе, ты изучаешь! Не важно, – что! В писательском деле мелочей нет: изучаешь поведение распоясавшихся посетителей, изучаешь убогий репертуар оркестра ресторана.

...Непомерный на ваш взгляд счёт, который оплатить придётся, изучай, не изучай. А если по весьма и весьма объективным причинам ресторан (вот привязался!) ты некоторое время не посещаешь, не унывай: садись в людном месте и с полным правом изучай спешащих мимо героинь.

«Профессия – писатель...» – записал следователь в про-

токол. – А история со стольником, за которым проник, – это в целях изучения человеческих взаимоотношений?..

– В том числе! Или кто-то думает, что быть писателем легко? Пока напишешь, пока издадут! Тем более, что книгу я только задумал, издатели о ней пока не подозревают, и посему авансами пока не докучают и у дверей не толпятся.

– А живёте вы, Сергей Васильевич?..

– По соседству, за забором. Потому как, если вы твёрдо решили что-то написать, и чтобы это что-то получилось – заниматься этим нужно на природе. Естественно, не в шалаше, всякий раз, возжелав чашку чая, высекая кресалом огонь. А на цивилизованной себе дачке. Этажа, эдак, на два. С ванной, туалетом. Обязательно – интернетом. А не в раскалённом городе, в котором не то, что творить, а и думать-то порой получается с трудом. На даче у меня и паспорт, я бы мог и сбегать!..

– С этим успеем, – загадочно откликнулся Рудольф Петрович, – а что вы, как писатель и гражданин, нам скажете на это? – Резко свернув нашу тёплую беседу, следовательно встал, дождался, пока я последую его примеру, и увлёк меня в гостиную.

Несмотря на, в общем, ранний час и рабочее время в гостиной Райхертов царило оживление. На журнальном столике у дивана красовалась почти полная бутылка односолодового виски «Белая лошадь», шоколад, виноград, мясная нарезка. На неискушённый взгляд похоже было на обычный са-

бантуйчик, хотя со стаканом я никого из присутствующих не заметил. Особо не суетясь, кто-то занимался фотографией, кто-то с помощью рулетки измерял, кто-то увлечённо пытался извлечь что-то из-под дивана.

Не суетился лишь хозяин. Совершенно недвижим, не предпринимая даже попытки подняться. Забыв об элементарной учтивости, показывая гостям спину, с полуоткрытым, неотрывно смотревшим под батарею отопления взглядом, на ковре лежал хозяин дачи Николай Иванович Райхерт. В некотором отдалении на стуле, то и дело поднося к глазам платок, располагалась Элеонора Митрофановна, супруга. Словно пытаясь что-то услышать, склонился над Николаем Ивановичем врач «скорой...»

Выпил лишнего и прихватило?.. То, что бутылка на столе одна, не говорило ни о чём; охламудив очередную, пустую тару сосед вполне мог вынести на кухню. И пусть я ранее подобного за ним не замечал, но в душу к человеку не залезешь, всё когда-то бывает впервые. И тут меня как будто бы кольнуло – Николай Иванович, похоже, мёртв! Конечно, ни положение тела, ни упорное желание соседа оставаться на полу не говорили ни о чём, но уж слишком он был неподвижен. Не хвалясь скажу, книг по теме я прочёл немало, да и деловито снующие по комнате люди приехали не на именины, явно работала оперативная группа. На выезде на труп. На труп очерченного какой-то лентой многоуважаемого спонсора Николая Ивановича Райхерта, что с неловко

подвёрнутой под себя ногой и трагически отброшенной рукой, лёжа на ковре, безропотно дожидался, что же новенького о его состоянии доложит публике врач. Картина была ещё та, смотреть на это как-то не хотелось, хотелось жгуче только знать, а что же тут произошло!..

– А вот это с вашей помощью мы выяснить и попробуем, – проникновенно глядя мне в глаза, живо откликнулся следователь. И, безо всякого перехода, спросил: а не являюсь ли непосредственным виновником столь непоправимого состояния гражданина Райхерта я?..

Вот так: ты им всю душу!.. Не дав мне даже поскобеть и как-то выразить!.. Не дав обвыкнуться в неординарной обстановке, следователь уголовного розыска Рудольф Петрович Иванов церемонии оставил, и занялся мною вновь: а знаком ли я с лежащим? Как давно? И, включив на максимум остатки душевности, указывая перстом на недвижимого Николая Ивановича, проникновенно сообщил, что в случае если я, не обременяя занятых людей дальнейшей бесполезной работой, надумаю добровольно в содеянном признаться, то мне, как бонус, в смысле сокращения срока, при вынесении приговора в суде выйдет большущая скидка. И! – Только быстро! – В каких я отношениях с его женой.

И я признался: с Райхертом знаком уже как год, как заселился по соседству. Отношения между нами чисто соседские, без напрягов. А что касается отношений с Элеонорой Митрофановной, его женой! Стыдливо отворачиваясь и сму-

щаясь, я доложил, что отношений с Элеонорой Митрофановной у меня не было и нет: никаких. Что я могу сказать о ней ещё? Обычно красива, сегодня не в счёт. Да, с ней знаком, на даче тоже часто видел, но денег у неё не занимал, и делить нам с ней было нечего, так как мужем ей приходился Николай Иванович, а не я.

Почему не я? Во-первых, потому, что Николай Иванович познакомился с ней раньше. И пусть в принципе это никогда никому не мешало, но Элеонора могла быть элементарно не в моём вкусе. А из незначительных причин нашей с ней не связи – не в её вкусе, похоже, был я, а что тут больше сыграло? Отсутствие у девушки вкуса? Возможно. Ну, не понимала она своего возможного счастья, не понимала. Хотя о том, что вскорости непременно стану известным, я неоднократно в мимолётных беседах через сетку забора ей намекал.

Откуда у меня дача в престижном районе как наша Зелёная зона? Отвечаю: дача друга, не моя, я только здесь живу. Точнее? Тут всё просто и не просто. Один из древних как-то на досуге выдал: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». О себе сейчас не буду, тут всё субъективно: бывает, временами сам себя бы взял и задушил! А вот о моём друге Михе пару слов скажу. Во-первых, он хороший друг. Помимо этого, говорят, офигенный строитель. И лишь только на нашем Дальнем Востоке задумали строить новый космодром, как Миху тут же и позвали. Миха в знак согласия ударил себя в грудь! А так как космодром не туалет, его в три

дня не возведёшь, тут дел на годы, то дачу он оставил на меня. Буквально умолил и навязал, а я пошёл ему навстречу, потому как в результате развода в смысле жилья оказался несколько стеснён.

Что делал прошлой ночью?.. Большею частью спал. Ничего, что могло бы вызвать подозрения, не слышал. Спал хорошо, как, кстати, остальные ночи тоже. И дело не в моей эксцентричности, тут иначе просто спать никак: во-первых, неприлично чистый воздух, во-вторых, берёзы, сразу за участком, полосой. Бывает, что шумят, бывает, что молчат, но навевают... И среди них бандюга – соловей, который навевает тоже. И не мешало бы его спросить, а чем он занимается днём?

Ничего, что могло вызвать какие-либо подозрения, за Николаем Ивановичем в последнее время не замечал. Разговоры наши ограничивались видами на урожай, погодой, и немножко о деньгах. Николай Иванович мирно фабрикантил на своём заводе, я, совершенно параллельно, размышлял о будущей книге. Ни он меня, ни я его в свои дела не втягивал. Он меня эпизодически ссужал, я же, в свою очередь, в отсутствие хозяев присматривал из-за забора за их дачей. Благо, времени у меня много, а на жилистой шее Николая Ивановича Райхерта висел целый завод, и появлялся он тут лишь наездами.

Вообще-то я считаюсь парнем компанейским, но, видимо, сегодня был не мой день. Ничего отталкивающего во внеш-

ности следователя Иванова не было, напротив, он со вниманием ловил каждое моё слово, а что-то для памяти даже записывал в протокол. Но рядом с неподвижно лежащим Николаем Ивановичем как-то не веселилось. Николая Ивановича было искренне жаль, но о чём мы с ним говорили, к примеру, три дня назад, я, как не старался, вспомнить не мог.

Сказать мне больше было абсолютно нечего, себя я исчерпал. Эпизодически пытаюсь откланяться, терзаясь втуне мыслью, что за убитое время теоретически мог бы умыться, позавтракать и даже отважиться на первую в жизни зарядку, я ёрзал на стуле. Но следователь не отставал, и, видимо, совсем уж от безделья, стал меня пытаться на тему, а на что я, собственно, живу: ни гонораров, ни работы?..

Задай мне подобный вопрос кто-то сторонний, я бы дико оскорбился, мог наговорить!.. Но с органами такое не проходит, они и сами: оскорбиться могут так!.. И я, не дожидаясь пыток, без особой охоты, но признался, что невеликие грошики, что позванивают в моих карманах, я не похитил. И пусть не дрейфовал годами в Арктике, не ковырял в неподходящих для жизни местах стратегическую руду, пока не выпустил ни одной книги! Но не крал. А однажды даже вовсе: поднял и вернул одной рассеянной хозяйке выпавший из сумки кошелёк.

С деньгами – да, порой не просто, на производстве как нас в бессрочный отпуск проводили, так с тех пор не приглашали. Бесследно не прошёл и развод. С получением бумаги из

ЗАГС-са бывшая жена с довольствия меня немедленно сняла. Что, в общем, справедливо, но достаточно болезненно. Ибо, отвыкнуть есть три раза в день я так и не сумел.

Но я не умер, у меня был дядя! На свадьбе нашей был, избранница моя ему, уже тогда, «не показалась...» Но, будучи мудрым, дядя говорить со мной на эту тему посчитал бесполезным, так как помнил себя, в своё время он был не умнее. Нахлебавшись под завязку «счастья», убежал в буквальном смысле на край света. И, с опаской оглянувшись, принялся методично расковыривать недра нашей бескрайней Сибири.

Так вот, на свадьбе дядя был, мёд, пиво пил! А позже, после свадьбы, призвал меня к себе и подписал на моё имя некоторое количество нефтяных акций, что достались ему в результате достопамятной приватизации. Подзуживаемый молодой женой, с целью приобретения авто, я незамедлительно вознамерился их продать! Но ничего из нашей с ней аферы не вышло. Не знаю, на чей конкретно опыт в своих действиях опирался мой дядя, но только к огорчению жены внезапно вскрылось, что с акций я могу снимать лишь проценты, а продать – ну, никак...

Тогда это виделось чуть ли не издевательством, но как же в новых реалиях те процентики оказались кстати, ибо! Благодаря именно этим бумажкам, голодная смерть меня обошла, я, худо-бедно, стал рантье, всё обошлось. Но жизнь на месте не стоит, и теперь, в свете случившегося, я стал ещё и кандидатом. Но не в нашу думу – кандидатом на отсидку

за убийство.

А как же: на дачу соседей проник? Ах, с целью добытия денежных знаков? Воспользовавшись тем, что Райхерт был один, стал требовать, возможно, угрожать! Райхерт, приняв перед этим «на грудь», отказал. И в результате завязавшейся полемики имеем, что имеем – холодный труп.

Зачем вернулся? Тут всё просто, всё по схеме: после содеянного не спалось. А поутру под видом отправления естественной нужды пришёл опять из любопытства. Так как общеизвестно – преступников на место преступления тянет, словно магнитом, всегда. Да и по какой тропинке двинет следствие – наверняка меня весьма интересовало тоже.

Вот так! Придумал это всё не я, так было «с моих слов» записано в протоколе, что любезно предложил мне подписать следователь уголовного розыска Рудольф Петрович Иванов, в который раз призвав, пока ещё не поздно, в содеянном признаться.

Наивный! Да любому мало-мальски подкованному нарушителю известно, что скидки по сроку – компетенция суда. Чистосердечное признание может облегчить лишь душу и совесть! А срок удлинить. Так что вы, Рудольф Петрович, как-то там сами... Тем более, что к смерти Райхерта я ни с какого боку! И ещё неизвестно, от чего он умер: может, сам... а мне по этапу? А отпечатки пальцев, если таковые найдутся, оставлены мной в процессе предыдущих посещений.

– Очень, очень может быть, – подозрительно легко согласился следователь. И, не заморачиваясь с подпиской о не выезде, пообещал по дружбе, что как только с осмотром закончат, захватить меня с собой. Исключительно ради моей безопасности. Так как если Райхерта всё же не я... то с целью устранения возможного свидетеля (конкретно – меня) преступник обязательно вернётся, чтобы довершить... И тут уж – кто кого... кому как повезёт, полиция за результаты подобных встреч не в ответе.

Не важно, под каким соусом, но, судя по всему, меня собирались «закрыть». А я бы не хотел, хотелось на свободе!.. Да и в глаза убивцу, если таковой посмеет и вернётся, посмотреть хотелось. Всё это, пусть несколько сумбурно, я высказал вслух! Но, не смотря на мои железно обоснованные доводы, отпустить на волю единственного подозреваемого в ближайшее время органы не предполагали. Не помогло даже робкое заступничество со стороны Элеоноры Митрофановны. Которая, после некоторого замешательства, вызванного бесцеремонностью вопроса о нашем не состоявшемся с ней интима, знакомство со мной всё же признала. Что я Сергей – признала точно. В том, что «Васильевич», да ещё и «Кондратьев» уверена до конца уже не была. Чем и вызвала падение доверия ко мне со стороны полиции настолько. Что когда я через час попросился, извините, «до ветру», почуяв в моей просьбе что-то неладное, присутствующие не сговариваясь,

принялись лапоть рукоятки табельных пистолетов.

И не мудрено, для следствия я был подарок: не думать, не искать. Припрыгал сам. А как же: крался? Крался. А зачем? Добить! Умыкнуть недоукраденное. Освежить ощущения, ещё раз получить адреналин. Поразмыслив, сделав вывод, что «чем никогда... уж лучше – поздно...» – ещё раз влажной тряпкой протереть ручку входной двери. Присыпать кайенской смесью прямо-таки горящие следы своих ног. И пусть в железо до поры меня не заковали и в туалет после продолжительных сомнений сводили. Но убраться восвояси не позволили, видимо, тая надежду, что, с конца-то наконец, совесть моя возопит, и, волей-неволей в содеянном я признаюсь.

И ничего тут не смешно: идёшь за стольником! А тут тебе – с приездом... И хотя смотреть на подобное по телевизору порой любопытно, но оказаться на месте преступления в качестве подозреваемого номер один! Это, как говорится, две большие разницы, ни о каком стольнике я больше не думал, хотелось домой, тем более, повторяю: к печальной кончине соседа я отношения не имел. Оставалось убедить в этом чрезвычайно любознательного Рудольфа Петровича, в чём, к сожалению, я так и не преуспел.

И дело было, видно, не во мне, а в том. Что до конца месяца оставались считанные дни, предполагалась премия, а без раскрытия сегодняшнего дела рассчитывать на неё не приходилось. Надежды на то, что я в убийстве признаюсь, с каж-

дым часом иссякали. Возможно, у отдельных членов группы уже чесались руки слегка меня к признанию и подтолкнуть. Но подталкивать меня в нужном направлении в присутствии Элеоноры Митрофановны было как-то не комильфо. Внешне оставаясь равнодушным к моим стенаниям и заверениям, следователь уже выписывал постановление на задержание. И тут! Следуя жанру, до поры стоявший у окна ко всем спиной товарищ повернулся. И с уст моих чуть не слетело матерное слово. Это уже было несколько через край, так как на меня смотрел и не смеялся Витька! Да, майор, да, старший оперативной группы – так легло!.. Но – Витька, Виталий Игнатьевич Мордвинов. Белобрысый тип. С которым мы!..

Короче с этим Витькой. Мало того, что учились в школе в параллельных классах. Мало, что нам нравилась одна и та же девочка. Так мы ещё и умудрились! Из разных позже городов. Когда пришла пора отдать отечеству долги, не сговариваясь, оказались на сборном пункте в городе номер три. Откуда «покупатели» со всех концов нашей Родины, а так же и из наших групп присутствия в странах тогдашнего еще крепенького Варшавского договора, привередливо набирали команды.

На сборном пункте Витька «парился» уже неделю, ну, а я. Я только-только. Влача набитый провизией чемодан, брёл по двору сборного пункта, и вдруг...

«Вы не бывали на Гаити?..» – говаривал известный попугай, и это он про Витьку. Сидя в центре круга из подоб-

ных себе оборванцев, Витька вдохновенно заливал. Возможно, делился свежими анекдотами, возможно, рассказывал о бурной жизни на «гражданке», которая осталась за забором.

Что привлекло его в моей согбенной фигуре? Скорее всего, чемодан. По логике: ведь если кто-то его тащит, значит, в чемодане что-то есть. А что там может быть у призывника? Продукты: сало, хлеб, возможно, колбаса. Про чемодан Витька в дальнейшем так и не признался, но, не смотря на занятость, всеобщую любовь и внимание окружающих, из нас двоих первым узнал меня он, оставив тёплую компанию, бросился на мою шею! И мы двинулись искать свободную лавочку, где бы я мог без помех открыть свой чрезвычайно интересный чемодан и ознакомить с его содержимым сего проглота.

Затем мы ехали, затем буквально бок о бок, затылок в затылок пол года служили в «учебке», мёрзли под одной шинелью. А сегодня, едва скрывая ухмылку, сей тип стоял и, видимо, с удовольствием слушал, как старый его кореш, путаясь в подробностях, извивается перед следствием.

Усмехался, на протяжении всего печального действия я это видел по его затылку! Фыркнул, чуть не рассмеявшись, когда мы с Рудольфом Петровичем попытались уточнить, а «по-большому...» я минувшим утром вышел «до ветру», или слегка ... Да и теперь, когда я смог увидеть его нахальную личность воочию, улыбка ехидны продолжала кривить его губы.

Ну, не скотина! Я сделал гневное движение навстречу, вместе со мной, почуяв угрозу начальству, вскочили остальные, Витька их остановил. Но о том, что мы знакомы, группе не сказал. В дальнейшем, спустя время, я правоту его действий признал, а тогда! Тогда во мне всё кипело, но, как говорится «во избежание...» не стал навязываться в его знакомцы и я.

Такое вот кино. Уже не детектив, а мелодрама. Для законченности оставалось лишь облобызаться, уронить слезу!

А тут и «скорая», которую, наряду с полицией вызвала Элеонора Митрофановна, сказала, что на их взгляд ничего, кроме банального инфаркта в данном печальном случае не видят, врач оперативной группы с ними тоже осторожно согласился. И Рудольф Петрович Иванов, взглянув на всё чуть под другим углом, погрозив передо мной ответственностью за уже содеянное, и за то, что я лишь только собираюсь. Взяв честное слово, что до окончания дела я воспитанно буду находиться в пределах видимости закона, меня отпустил.

Я горячо пообещал! Тем более что никого не убивал. И не душил, и не топил, не лишал жизни чем-то иным. В детстве искренне сочувствовал даже тараканам! И сколько же я Николаю Ивановичу на сей день уже должен?..

Тьфу ты, ерунда какая лезет. Тут, можно сказать, разговор о свободе!.. И пусть моё сидение на мягком стуле (просто жёстких на даче Райхертов не нашлось) заточением называть можно с натяжкой. Но кандидатом на «посадку», ес-

ли не найдут кого-то более стоящего, я был наипервейшим, и значит! Значит, нужно в этом плане делать что-то самому. Возможно, пожизненное за это дело «не светит», но ни к чему мне и «червонец». Что у нас по этому поводу гласит мудрость народа? А мудрость гласит: «спасение утопающих – дело самих утопающих!» Как отпустили, так и возвернут, и нужно разобраться. Самому. Подумать, поднапрячься.

Инфаркт – хорошо. То, есть, «хорошо» – глупость, но если без эмоций и моральных оценок... То инфаркт «скорой» заявлен был лишь для того, чтобы не приставали, чтобы им скорее соскочить, уехать. А если Николаю Ивановичу умереть помогли? То в таком разрезе негодяя необходимо было найти. И почему не я, и почему не мне?.. Бесплатно, на общественных началах, головой! И, ясный перец, с пользой для себя. Так как причастность к убийству никто покуда с меня не снимал. И, кстати, материал для детектива: не давить по капле из себя, не выдумывать, а просто-таки грести лопатой, на документальной основе. Материал «с куста»: одной рукой расследуй, а другой себе пищи. Сюжетная линия такова: я – главный детектив! Кого назначить преступником – это позже, пусть будет сюрприз. Расследовать буду, основываясь на сегодняшних событиях, и назову!.. «Кровавое отравление на даче».

Пожалуй, не стыковка: если отравили, то зачем резать. Травят-то затем, что, может, кто из исполнителей боится крови. Над названием необходимо подумать, а предвари-

тельным, рабочим, будет «Случай в Зелёной зоне».

...Значит, отравление, значит, я иду по следу. И помогать мне в этом будет! Тот, кто мне сегодня усмехался, – Витька. С чего обычно начинают детектив? Либо, – «брезжило раннее утро», либо, – «бушевала буря».

Я же начну оригинальней, с описания рабочего места. Но не своего, об этом пока рано, тут необходимо всё продумать не спеша. Да и что можно особо познавательного можно извлечь из описания писательского стула и стола? А вот место помощника, старшего опер уполномоченного Виталия Игнатьевича Мордвинова читателя заинтересует. Наверняка у Витьки кабинет, хотя бы, личный стол.

...Так, значит, стол. Из сериалов дальше – стул, на нём сидят. Компьютер. Фотография жены. Бюстик Железного Феликса... Хотя, пожалуй, фотографии жены не будет, по доходившим до меня обрывочным слухам светило розыска пребывал в разводе, как и я.

...Да, как и я! И почему ему не быть?.. А если кто-то спросит: «почему?..», то я тоже отвечу вопросом: а по какой таковой причине не живёт с женой ваш сосед? Ваш брат? И даже чья-то, кажется, сестра?..

...Так, значит, стул. Вертящийся, удобный, на колёсах. Не знаю, как в таком работать, но кататься – красота. Вешалка. На которую вешать. Шкафы с документацией, окно. В доисторическом кино окно обычно выходит во двор-колодец. Взглянув в который усталый блюстититель закона вновь и

вновь преисполняется яростью к вселенскому злу и, не сходя с места, в очередной раз даёт обет самолично в текущем тысячелетии оное извести. Моё же Витькино окошку выходит на улицу. Где люди. Такие, порой, самоуверенные в своём незнании жизни. И, зачастую, такие беззащитные, что герою уже хочется вновь: Поклясться! Извести! И защитить! Тем более, что ему, в конце концов, за это и зарплату...

...Нет, улица – слишком шумно, окно лишний раз не откроешь. А вот парк... Через дорогу. Или сквер. И дальше, простирающийся город. Но в начале сквер! Занятые обсуждением очередного телевизионного кровавого преступления пенсионеры. Придерживая пальчиком коляску, дабы окончательно не потерять контакт с чадом, напряжённо вглядываются в экран айфона молодые мамы. Девушка в спортивном. Как и положено, в наушниках, бежит. Скорее, убегает. От инфаркта. Который, как известно, катастрофически помолодел. Девушка молодец. Стройные ноги, покрытая ровным загаром, шелковистая кожа. А эти завитки волос на шее?

Пожалуй, чересчур лирично, я собираюсь написать не сюси – пуси, а суровый детектив. Так что лирику оставим. И вглядывался Виталий Игнатьевич не в одиозные завитки. Тем паче, не занимался оценкой оттенков загара каких-то там ног. А задумчиво дёргая за шнурок жалюзи, вглядываясь в расстилающийся перед ним город, решал очередную криминальную загадку – только так! А дальше...

Дальше что-то не пошло: Витька мой стоял, конечно, ду-

мал. Только сколько можно: в детективе нужен экшн. А экшн мне пока на ум не шёл. И я, с целью напитаться творческой силой, проследовал к сараю, взял удочку, наживку, и двинулся к водоёму, гордо именуемому обитателями нашего массива прудом.

Построено сооружение было давно, ещё при ТОМ «прижмем». И не для дач, не для того, чтобы я тут сейчас рыбалил. А как пожарный водоём для промышленного гиганта, что должен был быть возведён рядом. Чтобы знаменовать... Переполнять гордостью. Приносить, в конце концов, пользу. Но случилось то, что случилось, объект был даже не начат. А водоём, как памятник эпохи, как назидание потомкам, сохранился. Оброс по берегам деревьями. И если на официальных планах в архитектуре наверняка пожарным водоёмом и именовался, то среди простого нашего народа с незапамятных времён прозывался прудом. А там, где пруд, там – что? Там караси. Правда, до промышленных размеров они почему-то не дорастали. Хотя некоторых, если потянуть за уши, легко даже можно было разглядеть из-за стандартного пятисантиметрового коробка спичек. С карасями интересно: с азартом на одном конце обрывает наживку карасик, а на другом, на берегу, исходит адреналином рыбак. Пляшет, мечется поплавок, серебристым листиком трепещет на крючке желанная добыча. И после визуального осмотра и совместной фотографии на память, с пожеланием расти, отпускается в родную среду.

Тут главное не килограммы, рыбу можно купить в магазине. Но не купить такого качества адреналина. За которым люди без принуждения, добровольно опускаются на океанское дно, распугивая летучих мышей, лезут в пещеры, сплавляются по рекам. Или же штурмуют совершенно неприступные на взгляд нормального человека горы. На которых, как метко выразился Владимир Высоцкий, я ещё не бывал. До сей поры не ощутил даже желания на них вскарабкаться, их посетить – похоже, горы, это не моё... А карасей советую удить на варёную пшеницу.

...Оп!.. Ну, прямо золотой. Не серебристый, как собратья, а буквально золотой. Оп!.. Ещё...

...Интересно, если Райхерт умер не от инфаркта, а его умертвили, меня посадят? И если да, насколько лет? Как ни крути, а на «посадку» я один из первых...

А тут вдогонку грустным мыслям меня ещё и вероломно укусили. Похоже, что слепень, за лоб. Некоторое время, оставив карасей без должного внимания, пытаюсь заглянуть за горизонт, я думал о превратностях судьбы: вот так, живёшь себе, живёшь... А тут тебя за лоб... а Николай Ивановича и вовсе!.. Но, несмотря на превалировавший в мыслях минор, рыбалка помогла; несколько успокоившись, я удочку смотал, пожелал спокойной ночи карасям, пожелал её заранее себе. Но уже на подходе к месту моего обитания одним местом почуял, а затем и увидел, и понял, что кое-чего из передрыг, отпущенных на нынешний день, судьба приберег-

ла мне на вечер.

Внешне всё выглядело совершенно невинно, возле калитки стояло авто. Что само по себе в наше время не редкость. Внушала опасение начинка в виде явно намеренно помещённой у заднего стекла салона полицейской форменной фуражки. Засада? На меня? Фуражка с кокардой ясно указывала на ведомство, которому авто принадлежало. Что ясно говорило, за здорово живёшь, без внимания органы меня не оставят. Продолжала зеленеть трава, синело в том же духе небо. Не исключено, полицейские заблудились, на дачу вошли с единственной целью попросить водицы и узнать дорогу. А то, что не постучали, так, может, и стучали, ввиду отсутствия стука я просто слышать не мог.

Повторяю, безмятежно зеленела листва. Да и на засаду, о которой я вначале подумал, было не похоже, иначе так нахально у калитки бы не встали. А с другой стороны – на то и расчёт! И я, вскипев от возмущения (пусть вяжут!..) пнул торчавшие со стороны водителя чьи-то официальные ноги.

В машине ойкнуло, ноги убрались. И появилась голова. Мордвинова. С которым мы... Который мне ещё с утра... Я отдуваюсь, отбиваюсь! Он же в это время улыбался. От кутузки, правда, «отбойрил», но это ему права не даёт!.. Тем более, что это могло быть тактическим ходом. Не важно, куда и во что, но могло. Хотя бы, с целью за мной проследить.

Архивная справка: Виталий Игнатьевич Мордвинов. Тридцать пять лет. Во времена оные окончил архитектур-

ный факультет строительного института. Окончил хорошо, вторым на курсе (первым распределялся староста), но поархитектурить не пришлось, к окончанию института Мордвинов уже женат, семье нужна нормальная зарплата. И Виталий-свет-Игнатъевич, переобувшись в сапоги и засучив рукава, окунается в прикладное строительство. Много ли он настроил, мало ли, но ко времени, как начал в новом для себя деле более или менее понимать, разбираться, вдруг с удивлением обнаружил, что не всё в порядке в королевстве Датском, по бумажкам, что регулярно подписывал, было одно, на деле же было другое. С каждой подписанной платёжкой становилось всё яснее и яснее – придётся отвечать. Реальной отсидкой. А сидеть не хотелось, однажды Мордвинов даже позволил себе возмутиться! Но лишь однажды. Так как вскоре за этим был просто уволен.

Возможно – шёл вторым на курсе, возможно, был талантлив! И его архитектурные фантазии по гениальности не уступали проектам каких-то там Нимейеров и Гауди. И, если дать развернуться, – «Саграда Фамилия» он достроил бы одной левой!.. Вот только по специальности на работу его больше не брали, молва о его ершистости бежала впереди. Виталий Игнатъевич пробовал себя в торговле, но и тут. Высшее образование, помешало. Ибо, образование, это не только умение ставить вопросы, но и на них отвечать. А отвечать на возникавшие в процессе новой деятельности вопросы можно было только с образованием самым, что ни на есть, средним.

Из которого до четвёртого класса ты был хорошист. Затем посещал школу постольку – поскольку. И если ныне вдруг при умножении два на два выходило пять, удивления не возникало никакого. И не потому, что умножающий знаком с двоичной системой! Просто так получилось. А вот Мордвинов на поставленные жизнью вопросы так с ходу ответить не смог, ему постоянно нужно было подумать, суровая же действительность на это времени не давала. А тут ещё ушла жена, Виталий на некоторое время запил. Но очухался, взял себя в руки, в нелёгкие для тогдашней милиции толкнулся в органы, и вот. После стольких лет нашей разлуки в звании майор этого отпетого негодяя перевели на укрепление законности из областного центра к нам. Торчавшие секунду назад ноги были его, и теперь эта откровенно улыбающаяся рожа, куда решался вопрос со служебным жильём, а в гостинице он жить не хотел, так как там по старой памяти по-прежнему гоняют за кипятильники. Этот с позволения сказать следак, низайше просился ко мне на постой.

Прописка не нужна, каких-либо оргий, обещал не творить, до работы из Зелёной зоны на машине ему пятнадцать минут, и если я по старой памяти согласен взять его на постой, то в пределах разумного его благодарность будет безгранична.

Наглец, сначала человека хватают!.. Нет, Витька не хватал, но – всё равно!.. И если бы сейчас передо мной стоял Рудольф Петрович (даже на коленях), по доброй воле я бы

не принял его никогда, но Витька... Это такой гад! С которым мне когда-то было интересно даже помолчать. Надеюсь, и ему...

Но это всё «ля-ля...», и я, изобразив суровость, ехидно поинтересовался:

– Может, тут кому-то и ключ? От комнаты, где деньги...

– Деньги – вот... – выудив из кармана купюру, с готовностью отвечивал Витька. – А комната нужна...

Не скрою, у меня интерес к его предложению был тоже. Во-первых, места не пролежит. Во-вторых – продукты: вписываешься – гони!.. И, в-третьих, – ведь это же Витька! И это он! Ничтоже сумяшеся, сделал единственно правильный вывод, что к кончине Николая Ивановича Райхерта я никаким краем...

А, кроме всего, – мой наметившийся детектив. Кто-то скажет, мол, Николай Иванович ещё не остыл, мол, кощунство! Только я так не считаю, иначе кто, если не я, в случае необходимости будет через Мордвинова это дело толкать? Лен-тяи есть везде, в полиции тоже люди. Да и загруженность у них!..

А я о Райхерте не позабуду. Никогда. По крайней мере, до тех пор, пока органы с этим делом не разберутся и меня либо посадят (чего бы я искренне не хотел), либо подозрения окончательно снимут.

Эх, Николай Иваныч, Николай Иваныч. Он же стольник мне всегда!.. Жена, как говорится, погорюет и найдёт себе

другого, я же не забуду, опишу. Как – он... как – мы... как – я... Книга станет памятником, а из неё уже не вырубишь и топором...

Так что и в этом плане Витька оказался кстати. И пусть, предоставляя кров, я ничего ему об этом не сказал. Но вту-не использовать как поставщика информации мысль затаил. Так как, повторяю, самого меня к делу не допустили бы никогда, ибо фамилия моя не Юлиан Семёнов и даже не братья Вайнер. Кроме того – живое существо. Не всё же мне по вечерам вести беседы с приходящим соседским котом, тем паче, с телевизором. Так что, Витьке я рад был и помимо корысти. Показал наш умывальник, спальное место. И вывел на кухню, дабы по горячим следам взять быка за рога и, не откладывая в долгий ящик, начать из него выковыривать секреты по нашему общему делу. И так!..

Но эта неблагодарная!.. Это неблагодарное!.. Этот!.. В общем, о деле, что без какого-либо перерыва занимало мои мысли с раннего утра, мой, так называемый друг говорить отказался: мямлил, юлил. Из нас двоих говорил больше я, он же ничего не отрицал, но и категорически не подтверждал. Возможно, Николай Иванович почил от инфаркта. Возможно! Как не отрицал Витька (но вновь категорически не подтверждал!) и намеренное убийство. Всё это я уже слышал с утра, от судмедэксперта, а мой друг, которого я так легкомысленно приютил! Когда я взял его буквально за горло, глядя мне прямо в глаза, хладнокровно и цинично заявил,

что, в отличие от некоторых, он Райхерту не должен ничего, по данному вопросу пепел Клааса в сердце его не стучит. Да, дело поручили ему, заниматься он им будет. Но начнёт не раньше завтрашнего утра.

Мысли? Какие-то есть, некоторой информацией он владеет. Но не вымолвит и слова, покуда не увидит на столе ужин, более или менее достойный его высочайшей особы.

Наглец. Невзирая на нынешний статус, я уже намеревался гостя как следует треснуть! Но, скажите, где затем прикажете информацию черпать? И я, не поддавшись порыву, сварливо полюбопытствовал, какой марке вина, какой страны, в такое время суток он отдаст своё предпочтение, и что его высочайшая особа хотела бы видеть на ужин.

– Кальмаров, обжаренных во фритюре, – последовал незамедлительно ответ. – Гарнир – овощи гриль. С томатами, картофельным пюре. Филе из рыбы тоже подойдёт, а затем – либо запечённую с яблоками утку – тут он до конца ещё не определился, – либо баранину в соусе из вина. Обязательно – тигровые креветки, мидии. Дорада не иначе, как в присутствии сельдерея и помидоров! В плане же выпивки, дабы не заставлять меня метаться по магазинам, вопреки этикетам сегодня мы отдадим предпочтение обычному мартини.

Какая утончённость! А откуда? Из кулинарной книги, что элементом интерьера последние сто лет возлежала на моём же кухонном окне. Бессовестно, буква в букву вышеизложенное зачитав, дорогой гость, как ни в чём не бывало, пе-

ревернул страницу и тут же спросил: а что, собственно, из себя представляет дорада?

– Мартини, так мартини, – опуская вопрос о дорада, так как с чем его едят, не представлял, – согласился я с нахалом, – только позже. И, возможно, не сегодня. Касательно же морепродуктов, у нас только – вот... – гостеприимно распахнув холодильник, указал я перстом на слепленные из неизвестной рыбы, две, так называемые, крабовые палочки. Из овощей картошка, зато целых два килограмма.

– Пожалуй, остановимся на картошке, – оборвал моё перечисление Витька. И чтобы нам не скучно было с ней возиться, достал из пакета действительно бутылку мартини.

Чем ответил ему я? Прежде всего, выбрал для нас из набора посуды повместительней кружки. И, изрядно отхлебнув, снизошёл и, в благодарность за мартини, пригласил Витьку принять участие в процессе приготовления картошки, которая и должна была составить наш с ним сегодняшней ужин.

Вспомним наше с вами детство: что самым вкусным было тогда? Что было приготовлено своими руками. Испечённая ли, сожжённая в уголь, картошка в костре. Зажаренная в том же костре корка хлеба. Яичница, которую ты, в первом ещё классе, по велению сердца приготовил к приходу мамы. И пусть яйца были зажарены безо всякого масла (ты же не знал!..), мама была счастлива, да и самому тебе своё произведение понравилось тоже.

Вот нож, вот картошка! – выхватил я из рук гурмана бес-

полезную в данный момент книжку о вкусной и здоровой... И мы с ним дружно занялись: Витька освобождением картофеля от кожуры, а я принялся за основное: омыл картофель вновь. Дабы в ходе последующей термической обработки картошка не тушилась, не варилась, а каждой долькой, принимая тепло сковороды, равномерно покрывалась золотистым загаром, – каждую отёр полотенцем, и, расчленив на равные дольки, ссыпал в разогретый растопленный жир.

Пишите: Дабы картошка не прилипала ко дну, сковороду калите до упора! Далее – сало. Предварительно поделив на удобокусаемые кусочки, швыряете его на раскалённую поверхность. И только, только каждый обретёт прозрачность, недрогнувшей рукой высыпаете на это дело картофель, и начинаете немедленно мешать. Снизу вверх, снизу вверх: равномерно. Высыпаете измельчённый кубиками лук. Отвлекаясь на секунду, ныряете в холодильник за сливочным маслом, отсекаете от бруска семьдесят граммов, заталкиваете на сковородочное дно!

Кто-то спросит: «Зачем? Когда – сало: – масло зачем?..» А зачем, скажите, пахнут розы? Поёт соловей. И уж совсем без всякой пользы рдеет на закате солнце. Так что, не ленитесь и пишите: Не жмотясь (опять-таки – за тем!..) обливаем картофель молочными сливками, выжидаем, пока они в единую песню со всем остальным не сольются. Отрываем сковородку от плиты.

И швыряем на стол на подставку, тем более, что Виталий

Игнатъевич Мордвинов, изведшись ожиданием, хлеб и огурцы нарезал чуть не самого начала. Покончив с огурцами, то и дело нервно заглядывал через моё плечо, в очередной раз получив локтем, падал на стул. И к окончанию процесса вполне был готов не только выложить, всё то, что знал по делу, а и (если мне вдруг покажется мало), не стесняясь, додумать и даже приврать. Урча от вожделения, забыв о кроватках, чуть ли не мгновенно, расправился со своей, предусмотрительно отчерченной мною на сковороде половиной. Задумчиво кося на моё, некоторое время возил ложкой по высвободившемуся пространству. Но я в этом увлекательном деле отстал от него лишь на несколько взмахов. И, отодвинув прочь сковороду, милостиво позволил обжоре, корочкой хлеба подобрать со сковородочной поверхности капельки жира.

Да, дело по трупам на даче поручили ему и его группе. Всё описано, предварительная причина смерти – инфаркт. На случай, если не инфаркт, подозреваемый тоже в наличии был – это я. Ничего неординарного, осталось дооформить, подоткнуть бумажки от судмедэкспертизы. А то, что Райхерт мой сосед, что мне его загадочная смерть не безразлична! После проглоченного ужина оперуполномоченного не волнует нисколько.

Почему поручили дело ему? Витька точно не знает, но смеет предположить, что начальство рассудило: Выезжал? Выезжал. С местом предполагаемого преступления знаком?

А если состава на преступление не нароет, так это будет даже лучше, – но чтобы бумага была! Так как смерть не абы чья. А уважаемого не только мной Николая Ивановича Райхерта. Чтобы – «в возможно сжатые сроки!..» Дабы к нему (читай, к начальству) в последствии ни у кого вопросов не возникало.

Николай Иванович Райхерт и при жизни-то товарищ был не прост. По тем или иным делам полиции известный. И если по причине дефицита времени правоохранительные органы при жизни фигуранта встречу с ним могли и отложить. То теперь, ввиду произошедшего, даже если кто-то из полицейских этого и очень захоти. Следующей встречи с ним можно было ожидать лишь, извиняюсь, только на Страшном суде. Стажёру подобное не поручишь, тут нужно серьёзно, со знанием дела, как Виталий Игнатьевич и умеет. В законе означенные сроки, на основании того-то и того. Как это говорится, «в результате произведённых следственных мероприятий...» И хорошо бы, чтобы от инфаркта. Усугублённого употреблением заграничного напитка виски «Белая лошадь». С закуской или без, но факты должны быть железными, чтобы ими можно было с чистой совестью брякнуть на стол перед товарищами, что сидят наверху.

Такова предыстория. Дело пошло, следователь надписал папку, и в неё уже легли первые документы. Во-первых, протокол. Из которого следовало, что четырнадцатого июля некто Элеонора Митрофановна Райхерт. Будучи обеспокоена отсутствием мужа (а миновала лишь ночь), оставив го-

родскую квартиру, села в принадлежащий ей синенький «фольксваген». И, предполагая, застать мужа там, поспешила на дачу. В девять часов ноль две минуты утра, открыв своим ключом входную дверь, миновала холл, и, увидев распростёртый на полу схожий по виду с её мужем труп мужчины, с её же слов, истошно завопила.

Не сбросила на вешалку пальто, не подошла, не удостоверилась, что – всё, остыл?.. А завопила. Хотела привлечь внимание соседей? Маловероятно. Насмотрелась кино?.. Далее, выхватив телефон, понимая, что во внимании её теперь не откажут, позвонила и в «скорую» и в полицию сразу.

Вообще-то трупы – это дело не «скорой...», не к ним, но раз приехали. И врач «скорой», не исключив суицида, предположил навскидку банальный инфаркт. О чём и сообщил прибывшей вслед дежурной оперативной группе. Группе к трупу, как я понял, вовсе не хотелось, они вот-вот должны были смениться. Но вызов был, группа прибыла, и, обречённо вздохнув, принялась за привычное дело. Суицид, о котором намекнула «скорая», был бы, конечно, подарком, но это были лишь слова: «возможно...», «не исключено...» «Скорая» приехала, наговорила, а кому, в конечном счёте, отвечать? В подобной ситуации предполагается доследственная проверка, и главное тут – правильно всё описать, чтобы в случае «непоняток» было невозможно подкопаться. Обнаружат впоследствии эксперты суицид – хорошо. То есть, конечно же, плохо. Но необходимость в возбуждении уголовного

дела отпадает, на шее отдела камнем не висит, что хорошо уже без оговорок. После беглого осмотра старший группы майор Мордвинов (между прочим, мой друг!) в таком сценарии почти не сомневался: главное – грамотно описать. В момент смерти покойник, предположительно, был один, признаков насилия на теле не обнаружено, на ограбление не похоже; дорогие часы, кошелёк с содержимым наличествовали, ополовиненная бутылка виски стояла на столе. А от подарка судьбы – от меня – можно было и отпихнуться: задержан оперативниками я был снаружи, ценностей в карманах не обнаружено, свежих пальцевых отпечатков в помещении – тоже.

Оставалось по форме заполнить протокол допроса вдовы. Бросая поминутно взгляды на гостиную, вдова поведала, что потерпевшего не видела с утра предыдущего дня. Всё было как обычно, проводив мужа с утра на работу, Элеонора Митрофановна занялась своими делами. О том, что Николай Иванович задержится с работы, разговора не было. Обронив секретарше, что направляется домой, с работы он уехал достаточно рано, и, тем не менее, в привычное время не объявился, не позвонил, а отправился молча на дачу. Не отвечал и когда Элеонора Митрофановна пыталась ему дозвониться сама, не объявился и по прошествии ночи. Обеспокоившись всерьёз, Элеонора Митрофановна устремилась на дачу, где и обнаружила тело мёртвого мужа.

Какие версии можно было построить на столь скудном ма-

териале? Разве что, гадать. Хотя гадание в нашем с Витькой детективном деле – последнее дело, так как есть риск стать заложником ложной версии, которая преследовать вас так и будет. Нужно было думать, но Витька отрубил: сказал, что на сегодня лично отработал, на данный момент у него телевизор. И чтобы я больше его не теребил, милостиво обещал завтра поделиться результатами медицинской экспертизы.

Какая это всё же маета: одно дело – смотреть на огонь или на то, как кто-то рядом, углубляясь в недра, машет лопатой – подобные занятия нервную систему лишь укрепляют. Другое дело – ждать. Витьке хорошо, оставив меня досыпать, он с утра усвистал на работу. Я же, некоторое время ещё повалавшись, с постели тоже сполз. Проигнорировав зарядку, без энтузиазма умылся, побрился, накинув на тело одежду, чего-то поел. А тем временем где-то горели леса, по телевизору где-то кого-то топило. Но тут уж я ни чем помочь не мог, разобраться бы со своим... Щёлкнув пультом, переключился на сериал, но и там. Знакомые по предыдущим работам, уже словно родные, актёры как будто бы дрались, как будто бы стреляли (но не попадали). Одну героиню, собрав в кулак все сценаристские мозги, умудрились даже похитить. Но что с ней приключилось дальше – отпустили её похитители, или же оставили себе – всё это пролетело «мимо кассы». Стоически дождавшись обеденного времени, с целью разузнать... я набрал Витькин номер. Но этот бездельник умудрился найти себе дело и в обед! Пробурчав: «некогда...» – уже собрал-

ся отключиться. Но я успел: спросил, а с кем он, интересно, предполагает разделить предполагаемый теоретически сегодняшний ужин? Съехидничал, да! Но сработало: понизив голос, под огромным секретом Витька сообщил мне такое! Что я чуть не свалился с крыльца, на котором ножичком мирно остругивал прут.

Дела... По взаимной договорённости на ужин Витька по дороге к дому купил два пакета пельменей, мы их душевно сварили. И теперь, сидя в кресле с кружкой чая, мой друг в очередной раз повторил то, что днём чуть не повергло меня наземь: экспертиза совершенно точно установила, что Николай Иванович Райхерт, мой незабвенный сосед, был отравлен, что автоматически возвращало меня на первые роли, и впереди вновь явственно маячил знойный Магадан. Хотя верить в это никак не хотелось, и я проблеял: «А инфаркт?..»

– Тут, видишь ли, такое дело, – любовно поглаживая чрево, молвил Витька, – дело, скажем, не простое. – А по поводу Магадана – так сразу тебя не посадят: пока – то, пока – сё...

Успокоил. Прямо, захотелось жить!

Как же Николай Иванович некстати. И я не из-за денег: в конце концов, сколько я ему в принципе должен – касалось одного меня. Но его смерть всё кардинально изменила, с его невольной подачи и по милости следствия я сейчас, к примеру, не могу поехать за границу. Не могу навестить бабушку (если бы таковая у меня была), теоретическую тётю. Так что! Так что, чем скорее я представлю следствию убийцу (Вить-

ка уверил, что тут не суицид и не инфаркт, а увенчавшееся успехом отравление, иными словами, убийство), тем скорее с меня подозрения снимут, и упоминание о славном городе Магадане вызовет у меня не холодную дрожь, а пренебрежительный смешок.

– А что у следствия ещё?.. – спросил я равнодушно, только Витька замолчал.

– Да больше, в общем, ничего, внешних повреждений никаких. Внутренних тоже. А сам он отравился, или его кто-то – будем думать, могло быть всё.

Ну, вот опять... Какие-то качели: могли и отравить, мог отравиться сам. Возможно, чем-то был расстроен и напуган! Напуган настолько, что виски закусил не тем и в результате!.. Вероятно? Но не очень. Не тот был Райхерт человек, чтобы от любого испуга тащить в рот всякую дрянь, следствие проверит и наверняка не поверит: человеку всего пятьдесят один год, фабрикант! Известно каждому, нервических граждан туда не берут, и если не инфаркт, на который я так упо-вал...

– Отравлен, отравлен! – «успокоил» Витька, – как результат – остановка сердца, из-за которой и возникла первоначальная версия с инфарктом, хотя и окончательную формулу яда установить пока не удалось. – И без особой на то нужды вдруг с интересом и особым взглядом упёрся в пуговицу на моей рубашке.

Я бы сказал, взглядом, профессиональным излишне, с пу-

говицей было в порядке! Дабы в своих измышлизмах майор Мордвинов не пошёл по неверной дороге, необходимо его было как-то отвлечь, и я, пытаясь Витьку заболтать, продолжил суесловить. Допустил, что – яд! Хотя, возможно, и не яд. По утверждению самого же Витьки точно установлена лишь остановка сердца. И если их лаборатория до сей поры не определилась с формулой, то! Предполагать можно всё, что угодно. Дело за малым: узнать, кто это всё сделал. Подлил ли в стакан, включил ли излучатель колебаний.

– И кто?.. – думая о чём-то постороннем, машинально откликнулся Витька. И так же машинально я ответил: «Пушкин».

Не знаешь на кого валить, вали на Пушкина. Поляк приплёл бы Мицкевича. Исходя из скудных данных, за исключением меня, пока предположить можно было только их.

– Разберёмся, – почесался Витька. Разберёмся. – И в очередной раз заверил, что если меня и посадят, то не скоро, так как тут не банальный гоп – стоп, где исполнителей с большой степенью попадания можно предположить чуть не с момента подачи заявления потерпевшим. С нашим делом всё серьёзней. Так что, если для меня запахнет жареным, Витька, как лучший друг мне заранее просигналит. И если долго не копать и свобода мне дорога, то «до Канадской границы» добежать я успею.

Схватив разделочную доску, я уже собрался ею на заботу другу ответить. Но Витька был настороже. Слетев с крыль-

ца, проворно достиг противоположного края участка, и, наложив на дверь изнутри щеколду, укрылся в воспетом ещё когда-то тем же Пушкиным тихом уголке, вульгарно именуемым ныне нами туалетом. Убежище сие имело вид теремка, таким его нафантазировал мой друг строитель Миха; красиво, воздушно. И надёжно: кованые петли, под стать им изнутри задвижка. Чтобы выломать дверь и извлечь укрывшегося за ней негодяя, потребовался бы залп из среднего размера пушки. Ударив пару раз ногой по разделявшей нас сказочной преграде, ушибив при этом пятку, я несколько остыл. И, пожелав товарищу успехов, возвратился в дом. Шутки шутками, а призрак солнечного Магадана уже просто нахально маячил. И если Рудольф Петрович, следовательно, относится к порученному делу так же, как мой друг. То у меня большущий шанс тот Магадан увидеть, так сказать, не в грёзах, а в натуре. Незамедлительно нужно было включаться и думать. И пусть я даже это дело не раскрою, но чего-то накопаю, чем, возможно, от себя угрозу, всё же, отпихну. И я, приняв такое эпохальное решение, не дождавшись Витьки, завалился спать, чтобы прямо с рассвета!..

С рассветом, правда, вышло как-то мимо, я его нечаянно заспал. Вначале было просто очень рано. Затем я в полудрёме дожидался, когда же поисках съестного прекратит хлопать дверцей холодильника собиравшийся на службу Мордвинов. Потом гадал, а что же он нашёл. Так и не угадав, негодующе повернулся на бок, и неожиданно крепко уснул.

В конце концов, какая разница: начать мыслительный процесс с рассветом, или чуточку попозже. Тем более, что где-то прочитал, что если вы хотите думать плодотворно, то этим предпочтительней заниматься после двух... Может, врут, может, нет, но у меня выбора не было, тем более, что я ещё не ел, а это дело посерьёзней, не поев, я не сяду даже смотреть телевизор. Как я и ожидал, батон, на который я рассчитывал в своём полусне, Витька подло съел. Руководствуясь, видимо, принципом, «кто первым встал, того и тапки». А съест хоть что-то было нужно, мозг думал только о еде. И на все мои попытки эти мысли отодвинуть, пел своё: «а не съест ли нам?..» Не поросёнка жареного, с утра я к жареному как-то не очень... Но в главном мозг был прав, что-то проглотить было надо. Хлеба не осталось, это я выяснил точно, не было и сухарей. Но в результате тщательного обыска мною в кухонном шкафчике был обнаружен затаившийся пакет манки, в жестяной банке таинственно белело нечто похожее на сухое молоко. На язык было не ясно, но я рискнул, растворил это дело в воде, водрузив кастрюлю на огонь, тоненькой струйкой всыпал половину стакана манки, слегка посолил. Подумав, всыпал сахара (кто желает, может добавить хоть перца), тщательно помешивая, сварил. Налил в тарелку исходящей ароматным паром массы, съел. Немножечко подумал, и, прямо из кастрюльки выгреб остальное, поскольку каша до некоторой степени уже «схватилась».

А дальше дело пошло: поместив кастрюльку в раковину

мокнуть, я направил свою мысль на основное. По порядку, как у римлян: «Что? Где? Когда? Кому выгодно?» По пунктам: «Что?» – Пока что – «отравили» и инфаркт. Свежеиспечённая вдова, которая кашу и заварила. Прибывает группа. Судмедэксперт, призвав в свидетели «скорую помощь», делает предположение, что Николай Иванович Райхерт, кажется, умер.

Далее по списку – я: что называется, вынесло... Помню оживление группы, когда меня под пистолетом в помещение ввели. Надеюсь закрыть дело по горячим следам, кто-то, возможно, потирал уже руки. И, как оказалось, напрасно. Уступая давлению следователя, и угрозе оружием (про оружие – для красного словца, но – пусть...), я назвал своё имя. Знакомство с покойником отрицать так же не стал. А дальше меня стали ущемлять: на вполне закономерный вопрос, умер ли пострадавший от того, что вышел срок, или ему помогли? На вполне невинный вопрос работники правоохранительных органов отвечать категорически отказались, мотивировав это тем, что, видите ли, «вопросы тут задают исключительно они». Самым деликатным оказался эксперт; памятуя о моём праве на информацию как гражданина, тем не менее, прямо на вопрос не ответил, но объявил, что делать какие-либо выводы по поводу... без дополнительных исследований вот так, навскидку, он не рискнёт.

Но это «о правах...» всё сантименты, жаловаться прокурору я не собирался всё равно. Необходимо было сосредото-

читься на основном, вот только что считать тут основным?

Расхаживая от крыльца до калитки и обратно, я напряжённо думал. И в результате напряжённой работы мысли пришёл к выводу, что фактов для конкретных выводов явно не хватает. Подойдя в очередной раз к калитке, машинально приподнял крышку прикреплённого к забору ящика для почты. И проблемы с Райхертом и даже с Магаданом резко отступили. Обычно заинтересованные лица связывались со мной по телефону, но сегодня было письмо. Разорвав и отбросив конверт, я развернул сложенный вдвое листок. И, ознакомившись с текстом, осел на стоявшую рядом скамью. Так до конца и не придя в себя, вновь поднёс листок к глазам, но текст не изменился. Набранное четырнадцатым кеглем послание, деловито и ёмко гласило: «Ты скоро умрёшь, и я это увижу».

Коротко и деловито. Ни – за что, не выставляя каких-то претензий. Не требуя доли из наследства, которое я вознамерился в одну харю захватить (тем более, что ничего подобного мне ни с какой стороны не светило). Беспристрастная констатация факта. На обычной А-4 – формата бумаге. Не воследовало объяснений и с обратной стороны. Духами бумага не пахла, при надкушении ничем от обычной на вкус не отличалась.

Улицы в нашем посёлке достаточно тихие, бросив взгляд в одну сторону, бросив в другую, ничего подозрительного я не увидел. Но это на первый взгляд, ведь это кто-то написал, не

поленился! И я, рассудив, что для бравады сейчас не время, внешне не паникуя, но и излишне не медля, возвратился на участок.

Светило солнце, беспечно чирикали птички. Какая смерть, какое – «скоро!..» Но кто-то мне пообещал. Теперь сидит, хихикает. И ждёт. Когда мои нервишки заиграют, в ожидании я изведусь, и уже тут!..

В задуманном детективе я это обязательно куда-нибудь приткну, всё в красках опишу. Но это в книжном детективе, а когда это касательно меня, то в красках как-то не хотелось.

...Нет, главное: «я это увижу!..» – какая-то наглость!

А, может, тут расчёт: не зная моего стального характера, некто решил довести меня до состояния, когда я сам: в петлю... И ничего не надо делать. Только не учли, не на того напали, не такой я человек!..

И всё же, всё же: что в жизни я такого сделал, что с целью меня запугать и к чему-то принудить, некто не пожалел ни времени, ни средств на бумагу: не дал товарищу по парте списать домашнее задание? Исключено, какой-то наговор! На классных сочинениях безо всякой корысти вступления и заключения (только записывай!) надиктовывал направо и налево.

Не уступил в автобусе старушке место?.. Допускаю: не заметил и не уступил, но тут я не нарочно...

Но почему со мной решили поквитаться именно сейчас, когда и без того: того гляди, посадят.

Нет, ничего путного в голову из прошлого не шло, память подобной ерундой заниматься не хотела, оставалось обратиться к совести, уж она-то ничего не позабудет. Но и совесть, при наших всех порой с ней несогласиях мирно молчала – совесть была чиста. И если бы не незабвенный Николай Иванович, не его непонятная смерть, на подобное послание я бы, возможно, даже не почесался, счёл чьей-то шуткой. Хотя при ближайшем рассмотрении явно маячит не шутка, а хорошая крепкая ненависть.

...Но почему меня... вокруг столько народу! И умереть я права никакого не имел, я стольким людям ещё должен!.. Люди не поймут. Как вариант, по примеру моего родного дяди раствориться в бескрайних просторах Сибири?..

Но эту мысль я тотчас отверг: во-первых – комары. Я не любил и здешних, а в Сибирских болотах их неизмеримо больше. А во-вторых, почему это я должен?.. Нужно разобраться!

Перейдя подальше от калитки на крыльцо, я попытался. Но думалось не очень, а точнее – не думалось никак. Мысленно воспарить, оценить всё беспристрастным взглядом мешала записка. Чтобы не отвлекала, я с глаз долой убрал её в карман, но помогло это не очень. Обратиться в органы правопорядка? И что я предъявлю, какую-то записку? Засмеют.

И я, ещё раз напрягшись, исключительно для пользы общего дела решил воспользоваться личными связями. В лице

Виталия Мордвинова. Пусть он и гад, но сейчас это дело десятое, между прочим (и не между... тоже), оперуполномоченный, майор. А это вам не кот начхал, ведь за что-то на работе его держат. Мой, между прочим, друг. Пускай сто лет не виделись, пускай на улице с первого раза друг друга, возможно бы, не узнали, – но он мой друг. Пусть попыхтит. Хотя бы над запиской, которую необходимо было всячески в лабораториях исследовать, так как на кону стояла моя жизнь. А умереть сейчас, или, хотя бы, «сесть на срок», повторяю, я не мог, ибо! Даже если меня просто посадят, то кто отомстит за Николая Ивановича? Живым и на свободе заниматься этим как-то проще. И Витька в этом плане мне поможет: в смысле фактов. А уж осмыслить, оценить – это я возьму на себя.

Оставалось Витьку «зацепить». Личные отношения, конечно, хороши, но постоянный стимул должен быть, и стимул должен быть с размахом. Предварительно пересчитав наличность, я в магазине взял сахару, хлеба и чаю. На рыночке рядом купил огурцов, помидоров, яиц и, возвратившись, вывалил всё это богатство на стол.

Задумывался ужин. Чтобы было вкусно, чтобы было много. Витька съест и без изысков, но – хотелось... Чтобы осознал. Что – это для него... И, как человек, принявший взятку, будет просто обязан делу с моим невольным участием уделять внимания чуточку больше. Иначе! Иначе я его приблю.

И в положенное время Витька появился. Дисциплиниро-

ванно вымыл руки, сел за стол, и действие началось. В ожидании какого-либо перекуса, не подозревающий о предстоящем охмурении, Витька развлекал и меня и себя разговорами о погоде. Я же тем временем коварно грел сковородку. Окропив поверхность постным маслом, бездумно соглашаясь с собеседником, выложил на раскалённую поверхность кружочки нарезанных помидоров, посолил, поперчил. Через минуту посолил и поперчил их с обратной... И лишь затем, следя, чтобы желтки не растеклись, разбил на это яйца и посыпал зелёную петрушки.

Просто? Просто. И красиво. Оценил и Витька: вызвался нарезать хлеб, приготовил вилки, тарелки!

В общем, взятку проглотил. И я, пытливо взглянув на отдувающегося мамонта, молча пришлёпнул перед ним ладонью злосчастный листок.

– Что это, счёт? – ещё витая где-то, спросил лениво Витька. Вглядевшись и прочтя, но так и не врубившись, поинтересовался, за что это я, собственно, предварительно потратив столько продуктов, собираюсь его жизни лишить? И если это шутка, то не смешно.

– Не смешно, – согласился и я. И если бы дело касалось кого-то, я бы, возможно, разочек хихикнул, но письмо опущено в мой ящик!..

– Интересно! – оживился Витька. – Бумага А – 4, духами не пахнет. Отпечатано на принтере, так что ни пола, ни характера писавшего не определить. И на вкус – покусав уго-

лок послания, сделал заключение Витька – не отличается от остальной, коей в любом офисе тонны.

– Ещё бы не интересно, – в тон ему продолжил я. – Особенно, когда послание не тебе.

Но Витьку было не смутить:

– А с чего ты решил, что письмо тебе? – проигнорировав моё справедливое возмущение, начал говорить он по делу. – Сознавайся, соблазнял чужих жён? А, может, Райхерта, всё же, ты?.. Признайся, сразу станет легче: раньше сядешь, раньше выйдешь.

И это Витька мне!.. Едва не задохнувшись от гнева, я стал искать глазами, чем бы поувесистей ударить. Но Витька замахал руками и сказал, что «верит, верит!.. Что не я!..» Не хватало ему ещё получить травму в нерабочее время. И, как ни в чём ни бывало, продолжил рассуждать:

– Так, значит: старость уважал, места старушкам уступал. Конфликты на работе?

– Были! Но я оставил любимый завод настолько давно, что участники тех ссор давно наверняка забыли как меня зовут...

– Деньги... Занял у кого-то денег?..

Пришлось признаться, что да, Николаю Ивановичу я был должен. Сто рублей. Но вряд ли он, чтобы вернуть столь огромную сумму стал так рисковать. Да и, если Витька подзабыл, по причине смерти Райхерт написать не мог.

– А раньше? – прицепился Витька, – а если он опустил в

почтовый ящик послание раньше? Ведь я, по моим же словам, каждодневным вниманием ящик не баловал. И где конверт? Если письмо было написано и запечатано в одном из офисов, то какие-то отметины на конверте должны сохраниться.

Конверт остался там, где был разорван. Я бросился к калитке! Но и конверт нам тоже ничего не дал.

– А если!.. – повесил паузу, невыносимый Витька. – А если письмо не тебе? Ты жив? Ты жив. И это значит!..

– Значит что?..

– А то, что кто-то уже умер. А умер у нас кто? Сосед. Письмо в твой ящик было брошено по ошибке, а то, что перед тобой до сих пор не извинились, так это нужно будет как-то пережить.

– А если всё же не ошибка?..

– Значит, будем ждать, жизнь план покажет. Дождёмся следующего письма, и уж тогда!..

– А если?..

– А вот тогда и поговорим! – уворачиваясь от диванной подушки, выкрикнул задушевный друг, и, подхватив кружку с чаем, сбежал на крыльцо.

Что самое тягостное в жизни? Правильно, ждать и догонять: посадят – не посадят... Обратиться к гадалке? Не дожидаясь окончания разбирательства, удариться в бега? Обычно все у нас бегут в Америку, а там? Там за убийство срок пожизненно, у нас же – от шести и до пятнадцати... И

то, на «пятнашку» ещё нужно расстараться. Так что Америка подождёт. Вопрос, как быть с запиской. Посадят – одно, а прибьют – это другое. И пусть Витька утверждает, что, кого надо, уже убили – пассивно дожидаться развязки я не могу.

Или Витька всё же прав, и для того, чтобы меня действительно убили, я плаваю слишком мелко? Нет, я не боюсь, меня подобной ерундой не запугать! Хотя и неприятно. Не дождутся!.. Конечно, хотелось бы, чтобы Витька оказался прав, и письмо с угрозой попало ко мне по ошибке, так как наши почтовые ящики рядом. Но что конкретно, помимо того, что на чужую нужду был отзывчив, я знаю о Райхерте, как о человеке? Являлся супругом Элеоноры Митрофановны, а это было по разным причинам не просто. Щедрый кредитор (об этом я упоминал). Оргий на участке не устраивал, в связях, порочащих его, замечен мною не был. Обладал хорошим вкусом, дачу, что мы сейчас можем видеть, силами прилежных зарубежных мастеров возвёл всего лишь за сезон. Дабы не тесниться, дабы было где разбить и клумбу, грядку с луком, купил сразу два участка. С удовлетворением отметив, что после строительства в кошельке что-то осталось, силами тех же гастарбайтеров засеял газон. И помимо легкомысленных кустов посадил даже ель.

Что я могу о Райхерте ещё? Из фактов больше ничего. Гадать же, выдумывать в детективном деле не профессионально, всё должно основываться на фактах. Желательно, неоспоримых. Факты же были у Витьки. Понимая, в каком

я после той злополучной записки раздрае, по дороге к дому весьма предусмотрительно вновь купил к ужину два килограмма пельменей. К ним у нас нашёлся и уксус. С такой полустёршейся от древности наклейкой, что, разглядывая надпись, Витька даже умилился. И сопротивлялся лишь для вида, когда, покончив со своим килограммом, с целью получения информации я попытался взять его за грудки.

И Витька от вопросов не ушёл. Не требуя подписки, просто в случае разглашения на сторону твёрдо обещав меня прибить, прихлёбывая чай, начал повествовать о том, что ему и группе удалось «нарыть» за день.

Как я с полным основанием и предполагал, несмотря на внешнее добродушие, Николай Иванович Райхерт оказался человеком не простым. Пятьдесят один год. Среднего роста, среднего телосложения. Без особых примет. В далёкой молодости, как и большинство себе подобных, вступил в брак. По разным обстоятельствам детей не случилось. С формулировкой «любили-разлюбили...» развёлся. Проявив близорукость, не разглядев исподволь надвигавшегося финансового благополучия, жена отпустила супруга без боя, и тот. Дабы как-то заполнить освободившуюся нишу, потянулся в сторону бизнеса. Потянулся, погряз. Помните схему: «Сорок, сорок... – рубль сорок. Спички брали? Нет? Тогда с вас два с полтиной...»

Не поняли... Так в бизнесе и я. Но незабвенный Николай Иванович чего-то эдакое знал, на новой ниве как-то стало

получаться. И он, с неким даже мазохистским удовольствием, с головой окунулся в мутные воды нарождавшегося в нашей стране капитализма.

Завидовать не будем, каждому своё: одним звериный оскал, в то время, как другим... Конечно, всё было не просто, а кому было легко? Желающих полно, а закрома одни. И Николай Иванович. Однажды. Всё взвесив, оценив. Пришёл к разумному выводу, что всех денег не заработать, а головы лишиться – в раз. Зубами на большой сцене размахивать прекратил и пошёл в наймиты. К таким же, как и сам, но более зубастым туда, где его знали. Знали – что? Что может и украсть, но кто тут без греха? И в одночасье оказался Николай Иванович, ни больше и не меньше, а в кресле директора фабрики по производству обуви.

В детективе я сюда приплету рэкетиров. И пусть тема заезжена, но публика требует деталей, и детали ей будут! Что-нибудь немалого калибра. Из чего, к примеру, одному из начинающих бандитов отстрелю в процессе голову. Опишу, как покатилась, опишу её последние слова.

В реальной жизни всё скучней, в реальной детективу нужно просто думать. А думать – говорю вам – это не лопатой: сколько можно – больше, сколько можно – дальше... Тут необходимо!.. Опять-таки думать.

По предварительным данным Райхерта убили. Кто? Подсуетились работодатели? Не сошлись с директором в выборе фасона выпускаемой фабрикой обуви: он им предлагал од-

но, они хотели что-то интересней? Голова у Николая Ивановича слыла светлой, в разных там делишках-штучках понимал, недаром он ещё ни разу не сидел. Иначе на какие средства при немалой, но фиксированной, зарплате, повторяю, в невиданно сжатые сроки, да посреди сосен Зелёной зоны, где и на строительство будки отхожего места в архитектуре разрешения не получить, Райхерт смог поставить похожий на терем замечательный дом?

И если дело не в фасонах, то тогда его за что ещё... Поиздержался на строительстве (ну, надо – привязалось...), случайно влез хозяевам в карман? И суровые держатели акций, пересчитав наличку и обнаружив недостачу в виде пары детских пинеток. Не надеясь на то, что в сознании директора можно что-то исправить, даже не слушая, что «это в первый и последний... и он больше не будет!..»

За такое могли. И легко. В определённых (не будем показывать пальцем) кругах решать проблемы принято именно так, у них такие привычки.

А если не они?..

– Думай, пожалуйста, чуточку тише, не слышно телевизора, – оглаживая кружку с чаем, обратился ко мне так называемый оперуполномоченный Мордвинов.

Тут набекрень мозги, а он: «пожалуйста, потише...» А затем и вовсе, ошарашил: нахлебавшись чаю, вспомнил и, на ночь глядя, поведал, что завтра я обязан явиться к следователю Иванову по известному делу. Возмущаться и размахивать

вать руками не надо, Витька интересовался, ничего мне не сделают, внесут некоторые уточнения, сопоставят. Чисто из интереса постараются определить, много ли я им наврал. И, оставив меня в полном раздрае, Витька ушёл себе спать.

И я явился (а куда мне деться?), хотя, признаюсь, было нелегко. В такую рань. Но я проснулся. Проигнорировав в который раз зарядку, поел (умылся позже). И к тринадцати ноль-ноль под дверями кабинета номер десять уже как целую минуту нервно поглядывал на часы.

Интересно, кому такое надо: я сижу тут, жду! В кабинет же меня пригласили лишь через десять минут, извинений, не дождался, спасибо, предложили присесть и даже не отказали в стакане воды. Фамилия, которой представился следователь, совпадала с той, что красовалась на прикреплённой к двери со стороны коридора табличке. Спутать я не мог, это был тот же следователь, что снимал с меня показания на даче. Видимо, опасаясь, что я несколько его подзабыл, представился полным именем вновь и, проверяя на сколько я с ним откровенен, попросил полным именем представиться и меня.

Ничего особо примечательного, с виду гражданин, как гражданин. Блондин. Сероглаз. Уши как уши, голос, как голос. И я, отложив все эти данные в копилку памяти, в очередной раз представился тоже. Заполнив обязательные в данной ситуации «Имя. Фамилия. Отчество», следователь с видимым удовольствием отложил ручку, помассировал пальцы и

приготовился слушать.

О чём? О чём я захочу. Желательно о соседе. О его кончине. И если Николая Ивановича отправил на небо не я, то какие-то предположения у меня имеются наверняка, и Рудольфу Петровичу они весьма интересны. Но прежде – как я на Райхертовой даче оказался, как проник, что побудило.

В который уже раз, я честно ответил, что проник через калитку! Привлёк меня горевший в неурочное время электрический свет. Обеспокоенный, не случилось ли чего, я отодвинул задвижку калитки...

Не последним побудительным фактором была и реальная возможность занять у Райхерта столик, но это было дело только моё и его, так что Рудольфу Ивановичу о несостоявшемся столике я скромно умолчал.

...Нет, ночью ничего не слышал и не видел – спал. Хотя свидетелей последнему утверждению, к сожалению, нет.

Для значимости я мог бы и приукрасить. Припомнить, как на протяжении ночи ураганный ветер раскачивал верхушки деревьев, как где-то выла собака (а может статья, волк). Как я в подобных невыносимых условиях боролся с желанием подняться с постели, и, в конце концов, не встал.

Но компания и место не соответствовали, и я в очередной раз поклялся, что на протяжении всей ночи спал один. С полуночи с тринадцатого и до восьми утра четырнадцатого постель не оставлял. На крыльцо выскочил в районе девяти, когда терпезу не стало вовсе. И только тут. Закончив

все дела, подняв счастливый взгляд, упёрся им в сиявшую электричеством дачу соседа. Слегка обеспокоившись, отворил калитку, продрался сквозь живую ограду. И тут меня под белые руки и взяли.

Во сколько приехал сосед? Не знаю, не следил. Тем более – во сколько он умер. Когда я вошёл, эксперт с врачом «скорой» как раз по этому вопросу и препирались.

Казалось – пустяки. Труп свежий, вот, не вертится, лежит. Эксперту с его набитым чемоданом на подобное ответить, что высморкаться. Но этот с позволения сказать эскулап, как записной волокитчик, начал «мекать», «бекать». Ссылаться на скудность данных, так как наружных повреждений на незабвенном Николае Ивановиче обнаружено не было, по-сему тест на свёртываемость крови, на который эксперт так рассчитывал, применить не удалось.

Если бы об этом спросили на месте меня, я бы предложил оттолкнуться от окоченения. Что с ним делать, я точно не знаю, но из своего богатого зрительского опыта мог бы подсказать, что время смерти жертвы удобнее всего определять по разбитым в процессе либо наручным, либо каминным часам. Но тогда меня об этих вещах не спросили, на протяжении нашей давешней беседы следователя навязчиво преследовал вопрос, «за каким я проник...» А каминные часы в гостиной, кстати, были. Хотя разбить их так никто и не удосужился, и они продолжали безразлично тикать, с каждой секундой отдаляя нас от времени кончины остывающего на

ковре хозяина.

За что тут зацепиться – я представить не могу, какая-то легкомысленная смерть. Не для следственной группы (пусть ковыряются сами), но лично для меня, на завершающем этапе Николай Иванович мог бы что-то полезное и сделать: метнуть каким-либо предметом в часы на камине, в конце концов, их как-то уронить. Не удосужился, а те, что скромно украшали запястье руки, изготовлены были не в наших пределах, а в той самой Швейцарии, что только и знает как хвалиться, что её продукция не бьётся и от случайного плевка не промокает. Никаких свидетельств: ни надписей кровью, а ведь его никто не торопил, и он вполне бы мог. Всё описать. Но ничего подобного ни рядом с ним, ни под... ни на столе.

Что я ещё могу сказать для протокола? Для протокола – ничего, для протокола мало фактов, а между нами мужиками...

– Интересно, интересно! – оживившись, заёрзал Рудольф Петрович на стуле.

– Без протокола у меня несколько версий. При всём к нему уважении причиной смерти Николай Иванович мог оказаться сам. «Принял на грудь», не удержав равновесия, неудачно упал на решётку камина. Треснуться так, что мало не покажется, можно и без крови, следствию нужно лишь смоделировать ситуацию и, не полнясь, ещё раз осмотреть тело на предмет прижизненной гематомы.

Не исключаю, что на Райхетра самостоятельно могло

упасть что-то сверху. Куда упавшее делось затем – вопрос не ко мне, я на огонёк был приглашён, когда веселье было в разгаре.

Допускаю – уйти из жизни Райхерту помог некий гость...

И тут я прикусил язык. Надеюсь, сделал это незаметно, и на моём лице заминка не отразилась. Как-то вылетело, но именно в тот вечер постороннюю машину у ворот дачи Николая Ивановича я видел. А вылетело потому, что появившийся из неё человек ни машиной, ни прикидом от прочих Николай Иваныча гостей не отличался, и посему я на него внимания не обратил. Во сколько гость Райхерта оставил, не знаю, не видел. Но. К утру ни гостем, ни посторонней машиной не пахло, а Николай Иванович по факту был мёртв. Волей-неволей пришлось перед Рудольфом Петровичем покаяться, машину припомнить. А он и не сердился, даже посочувствовал всему тому, что за истёкший период мне пришлось пережить. И я, ободренный его сочувствием, с благодарностью продолжил разрабатывать перед ним тему таинственного гостя.

Как это между ними всё могло происходить? Так, значит, гость пришёл. Налили, чокнулись. Налили по второй.

Была ли третья рюмка – об этом сказать ничего не могу, с ответственностью могу подписаться лишь за первые две. Далее неизвестный нам пока злоумышленник (следуя официальной версии, не исключаяющей отравление) щедрой рукой сыплет что-то в посуду хозяина, принуждает его выпить. А

далее по схеме: полюбовавшись содеянным, вытирает подлокотники кресла и финита: прихватив стакан, убегает в окно.

Отсутствие в пепельнице посторонних окурков, о чём бубнил оперативный товарищ, описывая место, ни о чём не говорит. Да, судя по прикусу, окурки «Парламента», безо всякого сомнения, принадлежали Райхерту! Но, во-первых, преступник мог вести здоровый образ жизни, не курить. А если и курил, то кто мог ему воспрепятствовать в купе со стаканом забрать и окурки? И пусть по данным той же неугомонной полиции окна на момент осмотра были закрыты, это нас ни в чём не убеждает, в литературе описаны случаи и покруче.

– Интересно, интересно! – более и более увлекаясь моими предположениями, заёрзал на стуле следователь. От полноты чувств даже предложил мне закурить. Но отказался, сказал, что у меня «свои...», хотя на самом деле не курю. Дабы сгладить впечатление от высокомерного отказа, отпил из стакана воды, и с новыми силами продолжил излагать.

Версии были, детективы периодически почитываем. Сложность заключалась в том, что нужно было за собой следить, не увлекаться. Дабы не проболтаться о том, что я уже выудил из старшего их следственной группы майора Мордвинова. Витьку подводить не хотелось. Во-первых, – источник информации: одно неосторожное слово, и на Витьку могут в личном деле что-то неприятное «навесить». Во-вторых, информатор являлся моим личным другом. А то, что теперь

приходится варить картошки в два раза больше, так на то он и друг, авось не объест и спального места не пролежит.

– Да что тут я да я... – представив вдруг, как надоела Рудольфу Петровичу моя болтовня, запоздало спохватился я и в свою очередь поинтересовался, что думает обо всём произошедшем Рудольф Петрович сам. И если Райхерт умер не на почве неразделённой любви, а был отравлен, то очень интересно, чем? Ни цианидом, ни каким-то его производным от почившего при осмотре не пахло. Виски, помню, пахло – да. Что подтвердили все, включая «скорую» и мед эксперта. А цианидом – нет. Известно – цианиды выраженно пахнут миндалём, так миндалём не пахло. И если мы с Рудольфом Петровичем хотим быть объективными до самого конца, то не должны исключать и отравление обычным бытовым газом. Окна были закрыты, что и было отмечено в протоколе осмотра, так что, Райхерт мог без особой мороки... При описании места, я помню это хорошо, в прекрасно оборудованной кухне, которую этим словом назвать можно весьма условно, плита отмечена была.

– Была, – согласился покладисто следователь. – Правда, была электрической. Да и электрической тоже отчасти, ибо и вовсе оказалась индукционной. Что для меня до некоторой степени явилось сюрпризом, но и этим Рудольфу Петровичу обескуражить меня не удалось.

– А осы? – непринуждённо соскочив с версии с газом, предположил немедленно я.

– Какие осы? – не сразу ухватывая суть, переспросил следователь.

– Самые, что ни на есть, Николай Иванович мёртв, и если допустить чей-то умысел! То злодеи, в целях увести нас от истины в сторону, в дебри. Маскируя всё под несчастный случай, через отверстия вентиляции могли спокойно запустить в помещение специально натренированных ос. Ворвавшись в гостиную, они кусают, Николай Иванович, ввиду аллергической непереносимости осинового яда, умирает! А преступник, отряхнув ладони, с чувством выполненного долга удаляется восвояси.

Хотя, конечно, с осами сложно. Про аллергию нужно было знать. Далеко не каждый, получив порцию осинового яда, немедля заспешит на тот свет. И если осам всё равно (ну укусили и слиняли), то преступник рисковать не мог, про аллергию был обязан знать. Откуда мог он это почерпнуть?

– Из медицинской карты! – подхватил на лету мою мысль следователь, – выяснив, к какой поликлинике Райхерт был прикреплён, заявиться в регистратуру, попросить сей документ, чтобы одним глазком!..

– И получить отказ, ибо! По существующим ныне законам даже болящему – повторяю, даже болящему. – И пусть на обложке сто раз фамилия ваша, и с регистраторшей вы знакомы двадцать лет! – Не то, что посмотреть, а даже подержать! Карточку не доверят. Ни – повторяю – подержать, ни как-то там ещё. Проще с дикого похмелья убедить ГИБДД-деш-

ника, что вы вчера «ни грамма!..» В медицинскую же карту заглянуть вам не позволит никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.